

Азия: вызовы и перспективы

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-7

Историческая перспектива «поворота на Восток»: почему Россия в XXI веке стала восточной державой

Раффаэлло ЛОРЕТО ЧЕЧОНИ

бакалавр

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России, 119454, проспект Вернадского, д. 76, Москва,
Российская Федерация

E-mail: loreto.r@my.mgimo.ru

ORCID: 0000-0001-8453-0700

ЦИТИРОВАНИЕ: Лорето Чечони Р. (2021). Историческая перспектива «поворота на Восток»: почему Россия в XXI веке стала восточной державой // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 14. № 3. С. 127–146. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-7

Статья поступила в редакцию 20.01.2021.

АННОТАЦИЯ. «Поворот на Восток» – одна из главных тем международной повестки последних лет как в самой России, так и в западных странах. Символизируют поворот России на Восток стратегическое сближение с Китаем и начало новой эры в российско-китайских отношениях. Историческая перспектива политики «поворота на Восток» представляет собой часто упущенный аспект в ее международном обсуждении, но при этом способный открыть для нее новые концептуальные горизонты. В настоящей статье анализируются исторические и современные факты, которые могут послужить базой для концептуализации этой политики. История показывает, что «поворот на Восток» – шанс по-настоящему разрешить (искоренить) давние вопросы, препятствующие отношениям, в том числе проблему исторической памяти о России

в Китае. Значение поворота на Восток для развития российского Дальнего Востока – самый яркий пример этого. Исторический анализ также обогащает содержание многовековой дискуссии об идентичности России, т.е. о принадлежности России к западному или восточному миру. Внимание получил и вопрос торговых отношений, выгода от которых является важным критерием измерения экономического эффекта от политики «поворота на Восток». На примере моделей двусторонних отношений других стран с Китаем показывается, как история может стать важным инструментом для продвижения взаимодействия с Китаем на современном этапе. Данная возможность актуальна и для России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, Россия, экономика, двусторонние отношения, исторический фактор, торговля,

международные экономические отношения, общественная дискуссия, право.

Историческая перспектива: инструмент для анализа российско-китайских отношений

История – это, как известно, главный рычаг давления на настоящее время. Принято считать, что прошлое и современность связаны неразрушимой и логической причинно-следственной связью, ведущей исследователя к нахождению причин происходящего в современное время в прошлом времени. Несомненно, это научный фундамент, на котором построена не только историческая наука, но и другие науки, не говоря уже о сознании человека, общественном сознании и повседневном мыслительном процессе обычных людей. Однако существует еще один важный аспект истории. В истории, возможно, заложена не только цепочка причин, ведущих к событиям настоящего времени. В какой-то степени в ней находится некая проекция того, что произойдет во времени, являющемся будущим по отношению к настоящему. Иными словами, история не только говорит о настоящем, но и сообщает исследователю, живущему в настоящем, размытую информацию о будущем. Связь между историей и будущим – факт не первоочередной очевидности, но имеющий под собой веское научное основание и, вероятно, получивший общее признание [Maza, 2017].

Таким образом, для проведения анализа современных фактов и составления соответствующих прогностических сценариев, как часто делается в наше время, исторический элемент – довольно необходимая точка отправления. Если применить это к отношениям между Россией и Китаем, то мы увидим,

что их современный характер является историческим вызовом. А «поворот на Восток», определяемый в узком смысле как то невиданное в истории сближение России с Китаем, произошедшее в 2014 г., – это самое яркое проявление данного вызова. Из этого следует, что, вероятно, примеров стратегических отношений столь высокого уровня крайне мало. Многие имеют право и обоснование считать, что для современного времени данное явление – уникал. Одновременно с этим исторический аргумент часто приводится в пользу теории о «дряхлом фундаменте» российско-китайских отношений, вокруг которых существует скептицизм как на Западе, так и в самой России [Savic, 2016]. Скептицизм, при этом и в китайском внутривластном дискурсе, не заставляет себя долго искать [Trenin, 2012].

Однако существует другое измерение для анализа российско-китайского взаимодействия, которое часто игнорируется. Данное измерение представляет нам история как концептуальное связующее звено между прошлым, настоящим и будущим. Речь идет о той концепции, которую мы называем «исторической перспективой», служащей параллельно и инструментом для анализа. Проводя аналогию с миром азартных и настольных игр, данное измерение можно было бы сопоставить с «привилегией новичка» или «везением новичка», где под словом «новичок» подразумевается игрок без опыта или с малым опытом. Для двух государств, причем соседних, иметь сравнительно пустой «исторический лист» взаимоотношений – это привилегия, а не только аргумент для обоснования их слабого фундамента. С одной стороны, на пустом листе можно написать многое (в том числе то, чего не было). С другой же стороны, пустой лист – это возможность действовать более свобод-

но. Становится очевидным, что «поворот на Восток» представляет собой интересный казус для анализа в том числе потому, что за ним стоит не совсем очевидная историческая база. Данный аргумент не только является одним из способствующих факторов, когда-то позволивших «повороту на Восток» осуществиться. Он является еще предпосылкой для надежности этой новой политики в отличие от того, что порой звучит в международной литературе [Hillman, 2020].

В некоторой степени, многие страны ныне пользуются привилегией пустого листа, особенно для выстраивания с Китаем эффективного торгового обмена, подкрепленного политическим и правовым фоном (официальное установление дипломатических отношений, взаимное признание, поддержание дружбы). Это вытекает из общеизвестных исторических особенностей Китая, который являлся долгое время страной, неактивно контактирующей с внешним миром [Crossley, Siu, Sutton, 2006].

У всех на глазах экономический подъем Китая. Эксперименты китайского регулятора вокруг цифрового юаня свидетельствуют о том, что, несмотря на наличие еще развивающейся системы финансовых институтов, если ее сравнить с развитой системой западных стран, Китай может добиться и финансового подъема¹. Умелые политические и дипломатические действия КНР на Африканском континенте, в том числе влияющие на уровень поддержки Китая в ООН, свидетельствуют о внешнеполитическом подъеме Китая [Yun, 2014].

В настоящее время контакты с Китаем, если (вдруг) не являются первоочередным приоритетом в повестке

конкретной страны, то как минимум являются реальностью ее «повседневной» международной экономической и политической деятельности. Интересно наблюдать над тем, как многие страны, у которых существуют различные ограничения, не позволяющие в полной мере развить всесторонние отношения с Китаем, используют различные рычаги для построения все же выгодных отношений с восточным партнером. И порой исторический фактор этому способствует. Он вне политических ограничений и, как правило, по определению относится к «наивному» миру культурного сотрудничества.

Китайское руководство, понимая свою позицию как в истории межцивилизационных контактов, так и в современности, за последние десятилетия регулярно использовало язык как один из инструментов поддержания связей [Loreto Cecioni, 2019]. А к темным страницам истории взаимодействия с западными державами, как неоднократно доказали заявления китайских руководителей, на официальном уровне Пекин выражает свое умеренное отношение [Wallace, 1990]. Сказать, что темные эпизоды из истории взаимодействия Китая с внешним миром, особенно в последние два столетия, негативно повлияли на интеграцию Китая в современные мировые процессы, нельзя. Многие зарубежные эксперты любят обращаться к истории для поддержания тезиса о том, что реальное содержание установленных отношений с Китаем далеко от идеала [Hsu, Jenn-Jaw, 2014].

В контексте России и стран Запада принято ссылаться на живую среди современных китайцев историческую память об иностранном вмешательстве в XIX в., а также на мировоззрение, на

1 China Leads in Race for Digital Currency (2020) // Deutsche Welle, October 5, 2020 // <https://www.dw.com/en/china-digital-currency-yuan-bitcoin/a-55134692>, дата обращения 10.12.2020.

уроки истории в школах и на обсуждения в Интернете. То есть комментаторы ссылаются на довольно абстрактные категории, но при этом получившие широкое распространение как среди обществ, так и истеблишмента. Несомненно, что для полного понимания сути и перспектив «поворота на Восток» игнорировать исторический фактор нельзя.

Краткий портрет Восточной России: взаимодействие с Китаем

Известно, что европейский театр международных отношений – это апофеоз воздействия истории на внешние сношения и на выстраивание диалога между государствами. Это еще и самый очевидный пример системы международного общения, на субъекты которой история наложила жесткие ограничения. Сложная история построения Европейского союза говорит об этом. Как и поворот России в сторону Китая, во многом европейская интеграция тоже является резонансным изменением, отбросившим назад традиционные альянсы и соперничества, укоренившиеся в политическом сознании европейских государств [Буторина, Кавешников, 2016]. Кроме альянсов и соперничеств, Европе история оставила в наследство большое количество предубеждений и «истин», до сих пор являющихся составной частью народного и общественного сознания этих стран, в то время как, согласно российской историографии, российско-китайские отношения ведут свое начало с 1618 г., когда первая русская экспедиция прибыла в Пекин [Демидова, Мясников, 1966]. Таким образом, отношения России с Китаем насчитывают лишь 402 года. К тому же данная экспедиция в истории России получила на-

звание «полудипломатическая», так как отправлена была не центральным авторитетом (выражаясь китайским политическим лексиконом), а местным воеводой Тобольска И.С. Куракиным [Мясников, 1958]. Ее возглавил томский казак Иван Петлин, человек, сочетавший в себя интеллектуальные навыки и физические способности преодолеть нелегкий путь из Сибири до столицы Минского Китая. Тогда казаки, не захватив с собой подарков для китайского императора, не получили аудиенцию от императора, но получили возможность общения с представителями двора и право на ведение торговли по пути возвращения на родную землю.

Казаки, однако, прославились не только тем, что положили начало системным российско-китайским отношениям. Они составили подробный отчет о своей поездке, сыгравшей важную роль в китаеведении России и всего западного мира. Дело в том, что до 1618 г. самым подробным отчетом о жизни внутри Китая и о политической системе страны считалась книга венецианского торговца и путешественника Марко Поло «Книга о разнообразии мира», опубликованная вслед за возвращением венецианца в Италию и по итогам, по разным версиям, от 14 до 17 прожитых лет в Поднебесной.

Вокруг Марко Поло существовали и существуют различные теории. Первоначальный манускрипт отчета Марко Поло о своей жизни в Китае был написан Рустикелло из Пизы, с которым Марко Поло в 1298 г. оказался в генуэзской тюрьме по итогам проигранного венецианцами сражения на море [Bertolucci Pizzorusso, 1975]. По довольно курьезному стечению обстоятельств Рустикелло из Пизы по профессии был писателем романов, сказок и художественно-литературных произведений. Отсюда претензии историков к красочным рассказам Марко Поло об ос-

лепительной китайской природе, помпезной одежде монгольских чиновников времен династии Юань, о пожалованной должности правителя (мэра) двух важных городов империи и о якобы доверенных ему самим императором дипломатических миссиях в Азии [Camesasca, 1965].

Несмотря на детальное описание географических местностей и различных традиций, часто совпадающих с реальными, работа Марко Поло к 1618 г. утратила актуальность. Тайный отчет Петлина вскоре попал в Европу и к 1628 г. в европейских странах циркулировали переводы отчета о путешествии казаков в Китай на латыни, немецком, шведском, французском и английском языках [Демидова, Мясников, 1966, с. 32–35]. В России оригинал документа был найден лишь в 1882 г. и, судя по обращению царя Алексея Михайловича к китайскому императору в 1654 г., в котором царь утверждал об отсутствии прецедентов отправления в Китай русских посланников, память о «рописи Петлина» была утеряна [Демидова, Мясников, 1966, с. 32–35].

Роспись, в отличие от увлекательной книги Марко Поло, упоминает Великую Китайскую стену [Демидова, Мясников, 1966, с. 32–35]. Становится очевидным, что Россия в силу своего географического положения, волей или неволей, являлась одним из главных источников информации о Китае не только для своего двора, но и для всей Европы. Столь близких связей с Китаем не могло сложиться у европейских держав, которые не разделяли с Китаем такие контактные зоны, как территории вокруг Амура и просторы Дальнего Востока России. С точки зрения сравнительного анализа, сколько бы банальным это ни звучало, Россия обладает историческим правом совершить поворот в сторону Востока, так как она всегда являлась страной Востока. Дан-

ное утверждение вытекает из сугубо географических реалий, неизбежно повлиявших как на историю России, так и на историю Китая. Слово «поворот» означает лишь произошедшую на рубеже 2014 г. смену внешнеполитической стратегии, которая действительно ознаменовала некоторый отход от принятых ранее позиций, в том числе от политики сближения с ЕС. Однако вышеупомянутую смену курса трудно квалифицировать как поворот по отношению к собственной истории.

Вопрос торговли: история и современность

В определенной степени вопрос торговли в российско-китайских отношениях является не менее важным вопросом, чем гораздо более знаменитая проблема пограничного урегулирования. По иронии судьбы он был в какой-то степени болезненным для истории и в аналогичной степени является болезненным для современности. С самого начала 1990-х годов мир переживает эпоху экономического и финансового подъема. Подъем финансов и экономики лежит не столько в экономике и финансах, сколько в их возрастающем значении как во внешней политике государств, как и во внутренней. Китай – это страна, правительство которой ставит вопрос «денежно-экономического» благополучия населения во главу своей внутриполитической повестки [Си, 2013].

Внешняя политика Китая во многом призвана обеспечить стабильное развитие внутреннего рынка, который является средой обитания среднестатистического гражданина страны. Национальное бюро статистики, различные министерства и многочисленные партийные органы активно занимаются расчетом и оценкой экономической

обстановки (в том числе используя «среднее благополучие», т.е. благополучие среднестатистического гражданина, как важный параметр)². Во времена первой вспышки эпидемии коронавируса в январе 2020 г. антиэпидемическая стратегия, принятая правительством по настоянию китайского научного сообщества, была как раз призвана обеспечить быстрое возвращение к доэпидемической жизни для всех граждан Китая³.

Несложно было прийти к заключению о том, что достижение целей экономического развития становится гораздо более осуществимым, когда в стране нет экстренной санитарной ситуации. В отличие от многих стран мира, правительство Китая ввело жесткие ограничительные меры по сдерживанию мобильности населения и межчеловеческих контактов. Правительство обеспечило соблюдение данных мер на протяжении достаточного временного периода (два месяца) для полного прерывания циркуляции вируса среди населения. 29 марта 2020 г. китайские власти объявили об окончании карантина внутри страны⁴. С момента снятия ограничений вспышек инфекции с внутренним происхождением не наблюдалось в течение нескольких месяцев⁵. Это позволило стране вернуться к потреблению, к деловой жизни и к привычным условиям труда.

Неудивительно, что китайская общественность, как и китайское прави-

тельство, рассматривает вопрос экономического сотрудничества как один из главных критериев для измерения «важности» (приоритетности для Китая) какого-либо партнера во внешнеполитической деятельности. И в России вопрос экономической выгоды от отношений с зарубежными государствами является не последним. Интересно, что и в Китае, и в России, и в третьих странах экономическо-торговый аспект двусторонних отношений часто приписывается фактам, свидетельствующим об отсутствии глубокого содержания в отношениях [Hillman, 2020]. Взаимный товарооборот России и Китая достигает, по разным расчетам, от 90 млрд до 110 млрд долл., в то время как товарооборот США и Китая в прошлом году достиг отметки 541 млрд долл.⁶ В сентябре 2020 г. соответствующий отчет Евростата подтвердил, что Китай обошел США в списке крупнейших торговых партнеров Евросоюза⁷. За период с января 2020 г. по июль 2020 г. взаимный товарооборот ЕС с КНР составил примерно 337 млрд долл.

На официальном уровне правительства Китая и России никогда не комментируют в отрицательном ключе торговую статистику. Тем не менее вопрос низких торговых показателей по сравнению с аналогичными показателями, наблюдаемыми между Китаем и западными странами, часто обсуждается среди научных и журналистских кругов. Помимо ученого сообщества вопрос ча-

2 Understanding Statistics (2021) // National Bureau of Statistics of China // <http://www.stats.gov.cn/>; <http://www.stats.gov.cn/english/understanding/>, дата обращения 01.01.2021.

3 The Chinese Centre for Disease and Control Prevention Management Board General Meeting Communique (2021) // Chinese Centre for Disease and Control Prevention, January 11, 2021 // http://www.chinacdc.cn/yw_9324/202101/t20210118_223796.html, дата обращения 05.01.2021 (на китайском).

4 The Official Notice on the End of Novel Coronavirus Epidemic in China (2020) // People's Government of China, March 30, 2020 // http://www.gov.cn/xinwen/2020-03/30/content_5496949.htm, дата обращения 02.01.2021 (на китайском).

5 In Virtue of the Absence of Internal Coronavirus Cases, Is It Necessary to Prolong the Mask Regime? (2020) // Xinhua, September 5, 2020 // http://www.xinhuanet.com/2020-09/05/c_1126455107.htm, дата обращения 18.01.2021 (на китайском).

6 Товарооборот между КНР и РФ за 2018 год составил \$107,06 млрд (2019) // РИА Новости. 14 января 2019 // <https://ria.ru/20190114/1549310515.html>, дата обращения 20.12.2020.

7 Крупнейшим торговым партнером Евросоюза стал Китай (2020) // Финмаркет. 17 сентября 2020 // <http://www.finmarket.ru/database/news/5315373>, дата обращения 20.12.2020.

сто поднимается китайской общественностью, в том числе в активном китайском цифровом пространстве. В России данный вопрос поднимается преимущественно экспертами, публицистами, учеными и журналистами. Несомненно, это является самым острым актуальным вопросом в экономических отношениях между двумя странами. Политические вопросы тоже существуют, в том числе международного характера. Но, как правило, экономический фактор вызывает большее внимание со стороны наблюдателей из двух стран. Исторически же, как и в современности, торговля является критическим местом для российско-китайских отношений. Дело в том, что экспедиции Петлина в 1618 г. не удалось переломить устоявшуюся в российско-китайских отношениях тенденцию к спорадической и непостоянной связи (по необходимости или по случаю).

Отношения приобрели некоторое постоянство лишь тогда, когда вопрос торговли стал острым для обеих сторон. В XVII в., вплоть до подписания в 1689 г. Нерчинского соглашения, торговля между Россией и Китаем находилась на стадии свободного и произвольного обмена между пограничными территориями [Фэй, 2010]. В этой фазе преобладала еще ранняя модель торговли, согласно которой император выдавал исключительное и одnorазовое разрешение на ведение торговли с местным населением членам прибывших российских делегаций по пути возвращения из Пекина в Россию. Речь идет о Китае времен маньчжурской династии Цин, сменившей в 1636 г. ханьскую династию Мин. В некоторой степени повторялась история той же казачьей делегации, посетившей Пекин в 1618 г. и получившей привилегию на ведение попутной торговли.

Однако 7 сентября 1689 г. Россия и Китай подписали Нерчинский договор,

положивший конец 40-летнему периоду стычек и пограничных конфликтов вокруг местности Албазино и части Приамурья. В данном договоре впервые было упомянуто наличие у двух стран каких-либо отношений. Также договор вошел в историю как первый правовой акт, определивший характер торговли и связей между странами. В договоре было прописано, что лица, обладающие документальным удостоверением, могут пересечь границу между двумя странами и осуществлять торговлю. Однако договор не прописывал в пределах каких городов или малых регионов была разрешена торговля, что было важным упущением, ведь на территории Китая торговля была не желанным и не поощряемым правительством видом экономической деятельности [Фэй, 2010].

Цинское правительство рассматривало выдачу разрешения на торговлю в качестве политического инструмента, позволяющего китайской стороне сохранить мирную обстановку на северных границах, в то время как для России обеспечение торговли и получение от нее соответствующей выгоды было важным вопросом внешней политики. Города Нерчинск и Цицикар становятся главными пунктами назначения для русских купцов, торговая деятельность которых постепенно начинает охватывать внутренние части региона Хэйлунцзян. Статистика, сохранившаяся в китайских исторических документах, свидетельствует о росте посещаемости этих местностей со стороны русских торговых миссий. В периодах с 1714 по 1716 г. и с 1724 по 1725 г. наблюдается приезд делегаций, соответственно состоявших из 28, 91, 69, 19, 20 торговцев. В 1726 г. три торговые делегации из России посещают Цицикар, в 1727 г. – шесть делегаций [Фэй, 2010].

Преимущественно торговля осуществлялась путем простого товаро-

обмена, без посредства денег. Структура торговли также была простой. Импорт из России составляли такие товары, как шкуры, мех, стекло, поясные мечи и связанные с ними предметы одежды, а также скот. В то время русские торговцы вывозили из Китая ткани, табак, имбирь, перец и сахар. В тогдашних условиях необходимость в торговле оказалась прерогативой российской стороны. В Европе бушевали англо-голландские войны за морское и экономическое господство на континенте, что создавало большие препятствия для сбыта меховых товаров из России в Европу. С учетом длительности англо-голландских конфликтов русским торговцам пришлось искать другие каналы сбыта [Фэй, 2010].

Третья фаза налаживания торговых связей между Цинским Китаем и Россией связана с одной из самых сложных страниц в истории двух стран. В 1861 г. Китай был вынужден объявить о начале политики открытых портов после окончательного поражения в «опиумных войнах». Это привело к стремительным переменам в структуре торговли между двумя странами в пользу России [Фэй, 2010]. Спектр торгуемых товаров заметно расширился и освоение китайского рынка российскими торговцами убыстрилось в несколько раз. Именно в этой фазе произошло одно из, как принято считать, отрицательных событий в истории России и Китая. Это присоединение России к Альянсу восьми держав (под первоначальным общим командованием русского генерала Линевица), который вторгся на территорию Китая в 1900 г. войском в 45 тыс. человек [Линевиц Николай Петрович, 1907].

В то время в Китае произошло несколько народных восстаний, направ-

ленных как против династии Цин, так и против колониальных захватчиков. Союзные войска держав, включая Россию и Японию, смогли и подавить восстания, и разбить императорские силы, заставив Цинское правительство подписать довольно суровый Заключительный протокол от 1901 г.

В 2016 г. телеканал «Культура» запустил цикл лекций (проект «Academia»), в котором принял участие академик РАН и знаменитый китаевед В.С. Мясников, прочитавший две лекции о российско-китайских отношениях в честь 400-летия с начала системных контактов⁸. Одной из задач лекционных циклов от телеканала «Культура» было доходчиво объяснить широкой аудитории основные вехи из истории российско-китайских отношений. Академик Мясников, касаясь участия Российской империи в Альянсе восьми держав, заявил, что это событие не является позитивным для двусторонних отношений, и явно выразил сожаление о нем. Это один из примеров того, какую интерпретацию и какую оценку дает сегодня российская историография о событиях 1900 г. Роль России в военных действиях на территории Китая, так же как и полученные привилегии от Заключительного акта, не были ключевыми, но такое событие не может не оставлять следа. Память об «опиумных войнах» и о последующем иностранном вмешательстве в дела Китая (выражаясь современным языком – агрессии) жива в исторической памяти и в общественном дискурсе Китая.

То, что официальные представители российского научного сообщества в эфире государственного телевидения выражают, пусть и мягко, подобную позицию, может показаться незначительным политическим событием вну-

8 Россия и Китай. 400 лет взаимоотношений (2016) // Телеканал «Культура» // <https://www.culture.ru/movies/202/rossiya-i-kitai-400-let-vzaimootnoshenii>, дата обращения 15.12.2020.

три России, но это является очень важным сигналом для китайской стороны. Не только научное сообщество Китая, но и официальные лица пристально наблюдают за зарубежным общественным дискурсом и за тем, какого мнения об исторических событиях, касающихся Китая, придерживаются представители научных сообществ. Вне зависимости от того, в каком ключе этот вопрос обсуждается в более широких кругах (общество и т.д.), историческая сторона дискуссии, как правило, является самой важной для китайских партнеров. Несомненно, Россия продвигает отношения с Китаем и способствует их высокому уровню, в том числе посредством таких «историко-интерпретационных маркировок» и оценочных коррекций.

Современные предпосылки «поворота на Восток»

Современный смысл отношений между Москвой и Пекином нужно проанализировать и с точки зрения событий, характеризующих сложную международную обстановку нового века. Глобализация сильно повлияла на двусторонние отношения. В XXI в. традиционные для отношений между Россией и Китаем вопросы – экономическое сотрудничество и вопрос государственных границ – получили совершенно новую интерпретацию. С правовой точки зрения вопрос государственной границы между Россией и Китаем является закрытым. Переговорный процесс, призванный урегулировать многовековой вопрос, имеет гораздо более длинную историю, чем другие эпизоды

из прошлого двусторонних отношений. Начало ему было положено в 1991 г. подписанием специального международного договора («Соглашение между СССР и КНР о советско-китайской государственной границе на ее восточной части»), призванного обозначить дух и принципы дальнейшего переговорного процесса. Договор подписан СССР в мае 1991 г., но был ратифицирован только Российской Федерацией⁹.

Ратификация Российской Федерацией позволила позитивному духу соглашения продолжить свое существование, несмотря на исчезновение одной из сторон как субъекта международного права. Далее начался длительный, но успешный путь урегулирования вопроса границ, который пережил как сроки полномочий глав государств (соглашение изначально подписывалось Китаем Цзян Цзэминя и СССР Михаила Горбачева), так и смены правительств, внутренней и внешней обстановки. Процесс завершился 14 октября 2004 г., когда в Пекине было подписано последнее дополнительное соглашение между двумя странами, внесенное в основное соглашение от 1991 г.¹⁰ Это пример того, как поэтапная и терпеливая дипломатическая работа ведет к конструктивному согласию, обходя войны и другие способы овладения территориями.

Несомненно, «поворот на Восток» нельзя рассматривать по отдельности от успешной истории демаркации российско-китайской границы. Две страны вступили в новый век, работая над решением этой проблемы. Таким образом, внешняя политика обеих стран предусматривала урегулирование этого вопроса и наличие договора, фиксировавшего политическую волю, дух

9 Распоряжение Президента Российской Федерации от 21.02.1996 г. № 77-рп (1996) // Президент России // <http://www.kremlin.ru/acts/bank/8942>, дата обращения 17.11.2020.

10 О границе между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой на ее восточной части (2004) // Коммерсантъ. 4 ноября 2004 // <https://www.kommersant.ru/doc/521958>, дата обращения 30.11.2020.

и конкретные подходы к его обсуждению. Смена руководителей и глобальные трансформации не стали препятствием для этого. Процессы глобализации, в которых и Россия, и Китай на рубеже нового века видели свою собственную роль, подтолкнули к этому шагу и поспособствовали плавному сценарию разрешения вопроса. Если учитывать эти явления, то становится очевидным, что поворот в сторону Китая во внешней политике России не мог произойти лишь из-за крымских событий 2014 г. и появления новых препятствий в диалоге с западным миром. Под ним находился фундамент, исходящий из совсем недавней истории. Этот фундамент был тесно связан с самыми актуальными мировыми процессами, среди которых глобализация, как в политическом плане (возрастающее участие стран в международных организациях), так в экономическом (возрастающая роль экономического фактора во внешних сношениях).

«Поворот на Восток»: определяющий фактор в международных отношениях

Как было неоднократно сказано в этой статье, Китай является страной с неоднозначным прошлым ведения отношений с внешним миром. Россия не является единственной страной, в выстраивании отношений с которой данное обстоятельство дает о себе знать. Большинство стран испытывает достаточно схожие вызовы в двусторонних отношениях с Китаем. Если брать в

качестве примера страны ЕС, то современное состояние отношений осложняется дихотомией между экономикой и политикой. Экономический интерес очевиден. Это подтверждается не только вышеприведенными статистическими данными о взаимной торговле, но и успешным достижением 30 декабря 2020 г. договоренности об основных принципах будущего инвестиционного соглашения между ЕС и КНР¹¹.

В рамках ЕС Италия занимает видное место среди стран, имеющих односторонние инициативы по сближению и налаживанию особого сотрудничества с Китаем помимо линии Евросоюза. В марте 2019 г. европейское турне председателя КНР началось именно с государственного визита в Рим, в ходе которого итальянское правительство заключило целый ряд важных соглашений о правах эксплуатации китайскими компаниями некоторых итальянских портов и об экономическом сотрудничестве¹². Также Италия подписала меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в совместном строительстве «Пояса и Пути», что является главным реквизитом для вступления страны в одноименную инициативу. Через месяц глава итальянского правительства принял участие во втором форуме инициативы «Пояс и Путь» в Пекине, и он стал одним из немногих представителей западных государств и «Большой семерки» на данном мероприятии. Также Италия в одностороннем порядке передала китайскому правительству права собственности на более 700 единиц утраченных культурных ценностей Китая¹³. В выстраива-

11 Official Text of the Key Elements of the EU-China Comprehensive Agreement on Investment (2020) // 163.com // <https://www.163.com/dy/article/FVDON5T305371P76.html>, дата обращения 03.01.2021 (на китайском).

12 President Xi in Rome: Talking about History, Discussing the Present, Designing the New Sino-Italian Relations (2019) // The People's Daily Online Foreign Edition, March 17, 2019 // <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1628886561745121424&wfr=spider&for=pc>, дата обращения 06.01.2021 (на китайском).

13 Си Цзиньпин встретился с премьер-министром Италии Джузеппе Конте (2019) // Синьхуа. 24 апреля 2019 // http://russian.news.cn/2019-04/28/c_138016425.htm, дата обращения 30.11.2020.

нии отношений с Китаем, несмотря на политические обязательства в рамках Евросоюза, Италия пытается использовать доступные для себя инструменты взаимодействия. Италия, как конечный путь исторического Шелкового пути и родина Марко Поло, использует историческое прошлое в своих отношениях с Китаем. Так же как и Россия, Италия принимала участие в Альянсе восьми держав в 1900–1901 гг. и потенциально имеет схожие препятствия исторического характера в ведении отношений с Китаем.

Другая интересная сфера для сотрудничества, ставшая недавно резонансной в отношениях между Италией и Китаем, – правовая сфера. 1 января 2021 г. в Китае вступил в силу первый в истории страны Гражданский кодекс. В разработке Гражданского кодекса по западной модели и по стандартам римской правовой школы приняли участие ведущие эксперты-юристы КНР. Однако проведение данной работы длилось десятилетиями. Первые ученые, положившие начало этим процессам, – это группа китайских правоведов, изучивших римское право в Москве во время «весны китайско-советских отношений» и затем продолжавших свою работу в Италии, в том числе с помощью местных юристов и профессоров юридических наук, относящихся к итальянскому коммунистическому движению [*Diliberto*, 2021].

Франция же использует политику городов-побратимов и регионов-побратимов для расширения сотрудничества с Китаем, получая возможность развивать сотрудничество по линии региональных властей. К 2019 г. насчитывалось более ста французско-китайских соглашений о городах-побратимах и регионах-побратимах. Также Франция яв-

ляется первой крупной западной страной, установившей с КНР дипломатические отношения, и в настоящее время является государством-депозитарием Парижского соглашения по климату, что представляет собой ключевую тему во внешнеполитической повестке Китая. В данном международном контексте «поворот на Восток» во внешней политической стратегии России выглядит не как единственный случай, а вписывается в мировые тенденции. Однако отношения между Россией и Китаем являются одним из главных рычагов поддержания стабильности в современных международных отношениях. Знаменитая теория о «балансе сил», являющаяся одновременно пережитком Вестфальской системы и времен «холодной войны», утратила свою действенность после распада СССР и начала становления многополярного мира. В этом контексте отношения стратегического партнерства и сотрудничества между двумя странами становятся некой гарантией устойчивости для данной теории, особенно в период, когда ООН переживает институциональный кризис и кризис авторитета.

Медленно, но эффективно разрешенный вопрос границ и новая стратегия России по отношению к Китаю после 2014 г. смогли даже размыть проблему неравноправных договоров – классика отрицательного воздействия истории на современность российско-китайских отношений. Термин «неравноправный договор» используется китайской правоведческой школой для обозначения договоров, заключенных путем «оказания силового или несилового давления на одну из сторон» и ведущих к «нежеланному невыгодному положению» для потерпевшей стороны¹⁴.

14 Unequal Treaties (2021) // Baike Baidu // <https://baike.baidu.com/item/不平等条约/600776?fr=aladdin>, дата обращения 08.01.2021 (на китайском).

Несмотря на то что не существует официального перечня договоров, которые китайская страна считает неравноправными, имеется общее представление о том, о каких договорах идет речь. Это помимо договоров, заключенных во время «опиумных войн» (например, Нанкинский договор между Китаем и Великобританией по итогам первой «опиумной войны» и др.), – Айгунский договор с Россией, Тяньцзиньский договор с Россией, США, Великобританией и Францией и др. Данная проблема всегда являлась одним из пунктов на повестке как партии Гоминьдана, так и Китайской коммунистической партии еще во времена гражданской войны.

Феномен «неравноправных договоров» как понятие и концепция почти не имеет аналогов в историографии и в политическом дискурсе стран мира, что вызывает внимание западного мира (тема вновь всплыла на фоне торговых войн между Китаем и США времен администрации Трампа)¹⁵. Часто существование таких договоров и важность, которую придает им китайская историография, приводятся как аргументы для обоснования скептицизма в отношении искренности находящихся на подъеме российско-китайских отношений. Тема стала одной из любимых как в России, так и в западных странах. Однако насколько реально историческая память о таких событиях может сыграть отрицательную роль в нынешних условиях двусторонних отношений с Китаем, предсказать сложно. Тем не менее, в силу того что никаких проявлений обеспокоенности со стороны официальных лиц КНР не выявляется, трудно сказать, что это оказыва-

ет прямое негативное воздействие. Из-за этого данные теории продолжают занимать маргинальное место в официальной риторике, представляя интересную дискуссионную тему только для ограниченного круга лиц, чаще всего относящихся к науке. Вне Китая, как и упомянутые ранее другие вопросы, дилемма неравноправных соглашений обсуждается в другом ключе и преимущественно на уровне общечеловечности, но, как правило, это не влечет за собой участие официальных лиц¹⁶. «Поворот на Восток» стал продолжением тенденции сближения между двумя странами, которая уже намечалась, несмотря на исторические препятствия.

Дискуссия об идентичности России и об исторической обусловленности «поворота на Восток»

Нельзя отрицать, что «поворот на Восток» вызвал новую волну обсуждения вопроса национальной идентичности в русском обществе. Вопрос идентичности, или «цивилизационный вопрос», для России – это тоже следствие истории. Идентичность и принадлежность русской цивилизации миру западному или миру восточному обсуждаются как минимум со времен Ломоносова и его спора с немецкими коллегами, служившими при императорском дворе и выдвигавшими свои собственные теории. Позже данный дискурс превратился в масштабную «интеллектуальную битву» между западничеством и славянофильством, которая выходит за рамки узких гуманитарных кругов и времени.

15 19th-Century 'Humiliation' Haunts China-U.S. Trade Talks (2019) // The New York Times, March 27, 2019 // <https://www.nytimes.com/2019/03/27/us/politics/china-opium-wars-trade-talks.html>, дата обращения 30.12.2020.

16 Unequal Treaties (2021) // Baike Baidu // <https://baike.baidu.com/item/不平等条约/600776?fr=aladdin>, дата обращения 08.01.2021 (на китайском).

В разные эпохи ученые разных отраслей принимали участие в этой дискуссии в силу того, что их деятельность так или иначе сталкивалась с вопросом двух начал русской цивилизации. Академик Д.С. Лихачев посвятил этому вопросу целую книгу под названием «Размышления о России», опубликованную впервые сразу после окончания перестройки в 1991 г. [Лихачев, 2001]. Все западные школы русистики увлеклись и увлекаются данной темой. В ее обсуждении, разумеется, самое активное участие принимает современное российское общество. «Россия относится к Востоку или к Западу?» – это, пожалуй, вопрос, который часто звучит во время обсуждения отношений с Китаем. События 2014 г. и последующее обращение России к Востоку вызвали серьезные сомнения у части русской общественности и российского научного сообщества, воспринимающих историю, культуру, язык и религию своей страны через призму связей с Западом, нежели с Востоком.

Бурное обсуждение продолжается по сей день и, возможно, в нем не суждено прийти к единому согласию в скором времени. События 2014 г. привели к возрождению теории евразийства и к видению России как отдельной цивилизации, существующей вне культурологических рамок Восток–Запад. Несомненно, культурологическое и антропологическое обоснование поворота России на Восток будет определяться по мере развития событий, так как феномен недавний. То, что это событие смогло вновь поднять дискуссию вокруг идентичности не только российской политики, но и русского человека, свидетельствует о том, что отношения с Китаем – это важная тема не только для российского руководства, но и для более широкой категории граждан России.

Историческая и цивилизационная близость России и Запада была неод-

нократно изучена и доказана. Небезызвестная история о сравнительно небольшом присутствии «русской крови» у представителей правящей династии Романовых – один из многих примеров теснейшей связи между Европой и Россией. После 1762 г. благодаря приходу на престол сына Анны Петровны Петра III правящая ветвь династии Романовых фактически стала именоваться «Гольштейн-Готторп-Романовы», будучи одной из линий немецкого Ольденбургского дома. Реформы Петра Великого также являются одним из ярких примеров «европеизации» русского общества и русской культуры и даже некой окончательной точкой в вопросе идентичности русской цивилизации. Тем не менее существует множество работ, доказывающих необходимость и обоснованность Петровских европейских реформ [Ключевский, 1904], и существуют авторитетные исследования, выделяющие характерно «русские» и «восточные» аспекты правления Петра и его реформ [Лихачев, 2001].

Как известно, Россию и Запад объединяют не только близкие контакты между элитами и династийные связи, но и гораздо более глубокие культурологические элементы – вероисповедание и язык. Нельзя сказать то же самое о взаимодействии с Китаем. Тем не менее Россия имеет длительную историю контактов с Китаем и в этом занимает передовую позицию по сравнению с Западным миром. Еще в XIII в. Софийская вторая летопись (6903 год) упоминает Китай, так же как и Степенная книга царского родословия [Софийская вторая летопись, 1853; Степенная книга царского родословия, 1913, с. 120].

Русский народ упоминается в китайских летописях, например в памятнике об истории китайской династии Юань (1271–1368). Здесь говорится о русских военных, перешедших на

службу китайскому императору после их взятия в плен. Для сравнения, в китайских источниках не существует сведений о путешествии Марко Поло в Китай, так же как и о более раннем путешествии его отца и дяди, побывавших в Поднебесной во времена той же династии Юань. Несомненно, западная цивилизация в лице Римской империи имеет древнейшие контакты с Китаем. Однако контакты России с Китаем, имевшие место после полноценного объединения и становления государственности обеих стран, произошли не только на уровне отдельных личностей, но и на уровне феноменов. Феномен пограничной торговли между российским Дальним Востоком и китайским Севером – это очень существенная страница в истории взаимодействия Китая с внешним миром, учитывая редкость подобных связей и запрет на ведение внутренней торговли в Китае. Вышеупомянутые примеры миссии Петлина и развитие торговых отношений Китая с Россией до «опиумных войн» свидетельствуют о качественном взаимодействии, произошедшем на очень ранних этапах открытия Китаем внешнего мира и наоборот. Несомненно, первопричиной появления данных феноменов является географическая близость. И в этом плане невозможно отрицать, что Россия является «восточной державой» не только в современности, но и в истории.

Современный «поворот к Китаю», несомненно, сталкивается с многочисленными проблемами, среди которых часто упоминаются отсутствие концептуализации и однобокость в его общей интерпретации [Савченко, Зуенко, 2020]. Однобокость вытекает из того, что феномен поворота часто объясняется простым доводом реакции на западные санкции в посткрымский период. Отсутствие концептуализации связано в том числе со сравнитель-

но небогатой исторической базой российско-китайского взаимодействия. Однако с учетом специфики модели взаимодействия Китая с другими субъектами международных отношений в древности и до «опиумных войн», упомянутые выше пример осуществления торговли русскими купцами, пример географической близости и пример мирового значения российских знаний о Китае имеют высочайшую ценность. Также ученые-международники указывают на наличие у современной политики «поворота на Восток» нескольких компонентов [Торкунов, Стрельцов, Колдунова, 2020].

Помимо политического компонента, обусловленного неучастием Китая в санкционной политике Запада, приводятся еще два: попытка России пересмыслить парадигму развития Дальнего Востока (внутренний компонент) и стремление разработать концепцию «Большой Евразии» (внешний компонент), раскрывая полностью интеграционный и экономический потенциал России в Азии. Несомненно, данная политика была инициирована исходя из геополитических соображений и в контексте задачи восстановления баланса сил в международных отношениях, она сыграла значимую и уже ощутимую сегодня роль. Однако вопрос результата данной политики в контексте реализации второго и третьего компонентов остается открытым [Торкунов, Стрельцов, Колдунова, 2020]. Критики данной политики указывают не только на неправильность конфронтации с Западом. Опровержение целесообразности второго и третьего компонентов тоже присутствует. Мнение о том, что Китай является скорее угрозой для дальневосточной политики России, а не содействующим фактором, а также сомнения в вероятности появления в Азии и в Евразии широкой интеграционной площадки, способной на большие эко-

номические достижения, являются основными контраргументами.

Неудивительно, что именно в выстраивании контраргументов к «повороту на Восток» часто всплывает вопрос об идентичности России, так как о подобных рассуждениях история оставила очень видимый след. Ф.М. Достоевский характеризовал Россию как «европеец в Азии» [*Достоевский*, 1995, с. 504]. В этом предложении неоспоримым фактом является только присутствие России в Азии как в географическом, так и в политическом и экономическом планах. О том, является ли Россия «европейцем», ведутся до сих пор споры и, вероятнее всего, предположение является недоказуемым, т.е. без окончательного ответа, который мог стать общепризнанным. Очевидно еще и то, что у «поворота на Восток» имеется свое историческое оформление, в силу чего данная политика не может быть воспринята исключительно как реагирование на санкции Запада. Достаточно прочесть труды И. Бичурина, архимандрита Палладия и многочисленных участников православных духовных миссий в Пекине во времена Цинской империи, чтобы убедиться, что российское присутствие в Китае имеет собственный характер, независимый от европейского изучения Китая.

Научное присутствие России в Китае, кроме политического, и компетентность русской школы китаеведения являются яркими примерами того, что российско-китайские контакты имеют уникальный характер. Знания России о Китае, о Маньчжурии, о древних и современных народах Китайского Севера, о религиях и обычаях, а также их распространение внутри России превосходили аналогичные показатели в Западной Европе. Еще со времен публикации И. Бичуриным своих трудов в Российской империи русские ученые-китаеведы ставили перед собой задачу

дойти до незнакомого с востоковедением читателя. Кроме того, в это же время российское китаеведение уже приобрело самостоятельность от исследований западных католических миссионеров [Скачков, 1977].

Развитие Дальнего Востока в контексте «достигших исторического пика российско-китайских отношений» тоже может быть интерпретированным в качестве отсылки на исторические вопросы, касающиеся состояния этих регионов. Это может стать очень грамотным разрешением скрытой, но все же присутствующей проблемы присвоения этих территорий, оставленной историей. И это происходит в то время, когда Китай проявляет повышенную чувствительность к вопросам урегулирования границ. Это доказывают примеры китайско-индийского спора и спора вокруг островов в Южно-Китайском море. Существование такой концепции является уникальным примером поддержания мира и развития двусторонних отношений между крупными державами.

Заключение

Становление России в качестве восточной державы в XXI в., как и перспективность российско-китайских отношений, являются спорными вопросами, вокруг которых идет широкое обсуждение. В этой дискуссии большую роль играют исторические факторы, причем это происходит не только в отношениях между Китаем и Россией, но и в отношениях между Китаем и другими зарубежными странами. Историческая перспектива отношений имеет двоякую планку: с одной стороны, история контактов Китая с внешним миром хронологически ограничена; с другой стороны, история активно используется для продвижения связей

с Китаем в настоящее время. Здесь были приведены некоторые эпизоды как из истории, так и из современности, которые могут повысить глубину дискуссии вокруг политического и экономического феноменов, получивших название «поворот на Восток». Исторические факты и современные реалии, обсуждаемые здесь, тесно взаимосвязаны друг с другом и среди них сформировалась общая красная линия. Политика «поворота на Восток», ядром которой являются отношения России с Китаем, доказала свою историческую состоятельность и имеет очень большой шанс разрешить текущие вопросы, восстанавливая баланс не только в международных отношениях, но и в дискуссии о принадлежности России к Западу или Востоку.

Традиционная дискуссия о цивилизационном пути России сочетается с современными политическими реалиями и может найти новые ответы в зависимости от того, как будут дальше развиваться отношения с Китаем. Географическое положение позволило России иметь качественные связи с Китаем с относительно древних времен, преодолевая закрытость Китая больше, чем другие страны. После «опиумных войн», мировых войн и советского периода Россия и Китай смогли урегулировать многие вопросы, в том числе территориальные. Благодаря успешному результату этих усилий сегодня политика «поворота на Восток» может ставить перед собой гораздо более широкую повестку как шаг в сторону развития российского Дальнего Востока и продвижения идеи евразийства. Данная политика, нуждающаяся в концептуализации, может обратиться к истории для проработки своего концептуального фундамента и своего академического обоснования. Параллельно с этим рассмотрение «поворота на Восток» как феномена, имеющего более глубокие

корни, выходящие за рамки простой реакции на западные санкции, может существенно обогатить дискуссию вокруг этой немаловажной тематики.

Список литературы

Буторина О.В., Кавешников Н.Ю. (ред.) (2016). Европейская интеграция: учебник для вузов. М.: Аспект-Пресс.

Демидова Н.Ф., Мясников В.С. (1966). Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова). М.: Наука.

Достоевский Ф.М. (1995). Собрание сочинений в 15 томах. Том 14. СПб.: Наука.

Ключевский В.О. (1904). Курс русской истории. Полный курс лекции. СПб.

Линевич Николай Петрович (1907) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 34. СПб.

Лихачев Д.С. (2001). Раздумья о России. СПб.: Логос.

Мясников В.С. (1958). Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина // Советское китаеведение. № 1. С. 146–152 // http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1620-1640/Reise_Petlin/text2.htm, дата обращения 31.03.2021.

Савченко А.Е., Зуенко И.Ю. (2020). Движущие силы российского поворота на Восток // Сравнительная политика. Т. 11. № 1. С. 111–125. DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10009

Си Ц.П. (2013). Речь Председателя КНР во время первой сессии 12-го созыва Всекитайского собрания народных представителей // ВСНП КНР. 17 марта 2013 // <http://npc.people.com.cn/n/2013/0319/c53042-20836848.html>, дата обращения 01.01.2021 (на китайском).

Скачков П.Е. (1977). Очерки истории русского китаеведения. М.: Наука.

Софийская вторая летопись, 6903 год (1853) // Полное собрание русских летописей. Т. 6. СПб.: Изд. Археогр. Комиссии. С. 119–276.

Степенная книга царского родословия (1913) // Полное собрание русских летописей. Т. 21. Издание 1-е. Половина 2-я.

Торкунов А.В., Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В. (2020). Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы // Полис. № 5. С. 8–21. DOI: 10.17976/jpps/2020.05.02

Фэй Ч. (2010). Динамика изменений в торговых связях между северо-восточным регионом Китая и российскими пограничными территориями во времена правления династии Цин // The People's University of China. 10 октября 2010 // http://www.iqh.net.cn/info.asp?column_id=6791, дата обращения 01.01.2021 (на китайском).

Bertolucci Pizzorusso V. (1975). *Il Milione*: versione toscana trecentesca, Milano.

Camesasca E. (1965). *Il Milione*, Istituto Geografico DeAgostini.

Crossley P.K., Siu H.F., Sutton D.S. (eds.) (2006). *Empire at the Margins: Culture, Ethnicity, and Frontier in Early Modern China*, University of California Press.

Diliberto O. (2021). Intervista a Radio Radicale. Programma «Lora di Cindia» // Radio Radicale, Gennaio 16, 2021 // <https://www.radioradicale.it/scheda/626434/lora-di-cindia&>, дата обращения 16.01.2021.

Hillman J.E. (2020). China and Russia: Economic Unequals // Center for Stra-

tegic and International Studies, July 15, 2020 // <https://www.csis.org/analysis/china-and-russia-economic-unequals>, дата обращения 01.02.2021.

Hsu J.Y., Jenn-Jaw S. (2014). Development of China-Russia Relations (1949–2011) Limits, Opportunities, and Economic Ties // *Chinese Economy*, vol. 47, no 3, pp. 70–87. DOI: 10.2753/CES1097-1475470305

Loreto Cecioni R. (2019). The Latin American Direction of China's Foreign Policy: An Example of China's XXI Century Mission, *Rivista di Studi Politici Italiani*.

Maza S. (2017). *Thinking About History*, University of Chicago Press.

Savic B. (2016). Behind China and Russia's 'Special Relationship': China and Russia's Carefully Curated Relationship Is Increasingly Having a Global Impact // *The Diplomat*, December 7, 2016 // <https://thediplomat.com/2016/12/behind-china-and-russias-special-relationship/>, дата обращения 01.01.2021.

Trenin D. (2012). True Partners? How Russia and China See Each Other // Center for European Reform // https://carnegieendowment.org/files/Trenin_CER_Eng.pdf, дата обращения 01.01.2021.

Wallace M. (1990). 60 Minutes Archives: The Interview of President Jiang Zemin of China // CBS // <https://www.youtube.com/watch?v=pCUIjrx5oas>, дата обращения 02.09.2020.

Yun S. (2014). *Africa in China's Foreign Policy*, Washington: Brookings.

Asia: Challenges and Perspectives

DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-7

The Historical Perspective of Russian Turn to the East: How Russia Became an Eastern Power in XXI Century

Raffaello LORETO CECIONI

Bachelor

MGIMO University, 119454, Vernadskogo Av., 76, Moscow, Russian Federation

E-mail: loreto.r@my.mgimo.ru

ORCID: 0000-0001-8453-0700

CITATION: Loreto Cecioni R. (2021). The Historical Perspective of Russian Turn to the East: How Russia Became an Eastern Power in XXI Century. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 14, no 3, pp. 127–146 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-3-7

Received: 20.01.2021.

ABSTRACT. *Russia's so-called "turn to the East" policy has become one of the widely discussed issues among other issues in contemporary international relations. The new strategic relations with China and the beginning of a new era in Sino-Russian bilateral relations are the most representative results of the "turn to the East". The history behind these relations is a factor with tend to be ignored by those discussing the matter. However, the historical view of Sino-Russian relations can provide us with new horizons in their interpretation. This article analyses the "turns to the East" from a historical point of view and theorizes new approaches towards their conceptualization. From the historical point of view, Russia's "turns to the East" can potentially help the two countries overcome very profound obstacles in bilateral relations, such as the problem of Russia's image in China after the border disputes with the Qing Empire. Undoubtedly, the "turns to the East" policy's implications in the economic development of Russian Far East is one of the central topics. As well, the historical analy-*

sis of this policy can enrich nowadays discussion about Russian identity and Russia's position in the East-West paradigm. Also, this article draws attention to the commercial aspect of Sino-Russian relations, which nowadays still represent an important criterion in judging the "turn to the East" policy's effectiveness. By including examples of other countries' relations with China, we tried to underline how history has become an instrument for developing relations with modern China and how this opportunity is applicable in the Sino-Russian context too.

KEYWORDS: *China, Russia, economy, bilateral relations, historical factor, commerce, international economic relations, social dispute, law.*

References

Bertolucci Pizzorusso V. (1975). *Il Milione: versione toscana trecentesca*, Milano: A cura di Adeplhi.

- Butorina O.V., Kaveshnikov N.Y. (2016). *European Integration: A Didactic Manual for Higher Educational Institutes*, Moscow: Aspect Press (in Russian).
- Camerasca E. (1965). *Il Milione*, Istituto Geografico DeAgostini.
- Crossley P.K., Siu H.F., Sutton D.S. (eds.) (2006). *Empire at the Margins: Culture, Ethnicity, and Frontier in Early Modern China*, University of California Press.
- Degree Book of Royal Genealogy (1913). *Complete Collection of Russian Chronicles*. Vol. 21, Saint Petersburg (in Russian).
- Demidova N.F., Myasnikov V.S. (1966). *The Petlin's Manuscript: The First Russian Diplomats in China*, Moscow: Nauka (in Russian).
- Diliberto O. (2021). Intervista a Radio Radicale. Programma "Lora di Cindia". *Radio Radicale*, Gennaio 16, 2021. Available at: <https://www.radioradicale.it/scheda/626434/lora-di-cindia&>, accessed 16.01.2021.
- Dostoevsky F.M. (1995). *Collected Works in 15 volumes*. Volume 14, Saint Petersburg: Nauka (in Russian).
- Fei C. (2010). The Changes in Commercial Contacts Between Chinese Northern-Eastern Regions and Russian Boundary Regions in the Qing Era. *The People's University of China*, October 10, 2010. Available at: http://www.iqh.net.cn/info.asp?column_id=6791, accessed 01.01.2021 (in Chinese).
- Hillman J.E. (2020). China and Russia: Economic Unequals. *Center for Strategic and International Studies in Washington*, July 15, 2020. Available at: <https://www.csis.org/analysis/china-and-russia-economic-unequals>, accessed 01.02.2021.
- Hsu J.Y., Jenn-Jaw S. (2014). Development of China-Russia Relations (1949–2011) Limits, Opportunities, and Economic Ties. *Chinese Economy*, vol. 47, no 3, pp. 70–87. DOI: 10.2753/CES1097-1475470305
- Klyuchevsky V.O. (1904). *Course of Russian History. Full Course of the Lecture*, Saint Petersburg (in Russian).
- Likhachev D.S. (2001). *Thoughts about Russia*, Saint Petersburg: Logos (in Russian).
- Linevich Nikolay Petrovich (1907). *The Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron*. Vol. 34, Saint Petersburg (in Russian).
- Loreto Cecioni R. (2019). *The Latin American Direction of China's Foreign Policy: An Example of China's XXI Century Mission*, Rivista di Studi Politici Italiani.
- Maza S. (2017). *Thinking About History*, University of Chicago Press.
- Myasnikov V.S. (1958). New Documentary Findings about the Chinese Journey of Ivan Petlin. *The Soviet Sinology Journal*, no 1, pp. 146–152. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1620-1640/Reise_Petlin/text2.htm, accessed 31.03.202 (in Russian).
- Savchenko A.E., Zuenko I.Yu. (2020). The Driving Forces of the Russian Turn to the East. *Comparative Politics*, vol. 11, no 1, pp. 111–125 (in Russian). DOI: 10.24411/2221-3279-2020-10009
- Savic B. (2016). Behind China and Russia's 'Special Relationship': China and Russia's Carefully Curated Relationship Is Increasingly Having a Global Impact. *The Diplomat*, December 7, 2016. Available at: <https://thediplomat.com/2016/12/behind-china-and-russias-special-relationship/>, accessed 01.01.2021.
- Skachkov P.E. (1977). *Essays on the History of Russian Chinese Studies*, Moscow: Nauka (in Russian).
- Sofia Second Chronicle, 6903 (1853). *Complete Collection of Russian Chronicles*. Vol. 6, Saint Petersburg: Ed. Archeogr. Commissions, pp. 119–276 (in Russian).
- Torkunov A.V., Streltsov D.V., Koldunova E.V. (2020). The Russian Turn to the East: Achievements, Problems and Prospects. *POLIS*, no 5, pp. 8–21 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2020.05.02

Trenin D. (2012). True Partners? How Russia and China See Each Other. *Center for European Reform*. Available at: https://carnegieendowment.org/files/Trenin_CER_Eng.pdf, accessed 01.01.2021.

Wallace M. (1990). 60 Minutes Archives: The Interview of President Jiang Zemin of China. CBS. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=pCUIjrx5oas>, accessed 02.09.2020.

Xi J.P. (2013). The Programme Speech of the President of China at the 1st Session of the National People's Congress of the People's Republic of China. *The National People's Congress*, March 17, 2013. Available at <http://npc.people.com.cn/n/2013/0319/c53042-20836848.html>, accessed 18.12.2020 (in Chinese).

Yun S. (2014). *Africa in China's Foreign Policy*, Washington: Brookings.